

Мои воспоминанія и размышленія ¹⁾.

(Посвящается женѣ и дѣтямъ, внукамъ и внучкамъ.).

Въ этомъ отношеніи, да и во многихъ другихъ, прямою противоположностью былъ Степанъ Петровичъ Шевыревъ, не высокаго роста, довольно полный, съ очень громкимъ довольно высокимъ голосомъ и очень яснымъ произношеніемъ, такъ что его отовсюду можно было легко и хорошо слышать; но зато не легко было намъ, первокурсникамъ, усвоивать смыслъ и значеніе его очень плавной и складной рѣчи. Читалъ онъ намъ и въ родѣ теоріи словесности или теоріи поэзіи въ историческомъ ея развитіи. Курсъ былъ довольно отвлеченный, философскій, касавшійся такихъ вопросовъ, какъ отношеніе искусства къ природѣ, къ жизни, къ исторіи, къ философіи, къ религіи, отношеніе искусствъ между собою, ихъ способы, средства и границы и т. д.; при этомъ приводились мнѣнія ученыхъ и философовъ, въ томъ числѣ особенно часто Лессинга, Шеллинга, Гегеля. Особенно много и часто доставалось Гегелю, такъ что онъ очень заинтересовалъ насъ. Отъ своихъ товарищей-юристовъ мы узнали, что имъ также очень много толкуетъ о Гегелѣ ихъ профессоръ энциклопедіи, законовѣднія и философіи права П. Гр. Рѣдкинъ, но не разноситъ его, какъ Шевыревъ, а напротивъ преклоняется и благоговѣетъ предъ нимъ. Пошелъ я послушать о Гегелѣ и Рѣдкина и еще менѣе понялъ его, чѣмъ Шевырева. Бывало, возвращаешься пѣшкомъ домой изъ университета послѣ лекціи Шевырева съ сильно отуманенной головой и все стараешься

¹⁾ См. „Русская Старина“ іюнь 1915 г.

уяснить себѣ, въ чемъ тутъ дѣло, при чемъ тутъ Гегель, и чѣмъ онъ виноватъ предъ Россіей, предъ русскимъ православіемъ и самодержавіемъ, и какія отличительныя свойства русской народности, и почему Россію ожидаетъ какая-то совсѣмъ другая судьба, чѣмъ всѣ другіе народы Европы, и какая именно судьба, и такъ дойдешь до дому въ $\frac{3}{4}$ часа съ такимъ же туманомъ въ головѣ, съ какимъ вышелъ изъ университета. У Степана Петровича были своего рода эффекты, и я помню, какъ въ концѣ одной лекціи онъ очень поэтически изобразилъ намъ свою гостиную въ наступающія сумерки и себя передъ пылающимъ каминомъ, среди размышленій объ отношеніи искусства къ жизни, и какъ его разомъ осянило вдохновеніе, и вылились сами собою стихи, которые вполнѣ выражаютъ его мысль объ этомъ предметѣ. Стихи эти намъ очень понравились своею замысловатостью, мы затвердили ихъ наизусть, и они часто потомъ раздавались въ разныхъ концахъ аудиторіи предъ входомъ въ нее Шевырева. Теперь черезъ столько лѣтъ я съ величайшимъ трудомъ, слово за словомъ, успѣлъ ихъ припомнить въ слѣдующемъ видѣ (были ли они гдѣ напечатаны ихъ авторомъ, мнѣ неизвѣстно). Вотъ они:

Люби искусство для искусства.
 Въ немъ славенъ Богъ и славенъ ты,
 Въ немъ воплощай и умъ, и чувство,
 Живую прелесть красоты.

* * *

Искусство знаетъ жизни цѣну:
 Ей отъ него измѣны нѣтъ;
 Но за твою ему измѣну,
 Ты дашь предъ жизнію отвѣтъ.

Не знаю, все ли я припомнилъ и все ли такъ, какъ слѣдуетъ безъ малѣйшихъ измѣненій, и не было ли еще третьей строфы между этими двумя; но что сущность стихотворенія была такова и что оно служить образчикомъ той туманности, о которой я говорилъ выше, это несомнѣнно.

С. П. Шевыревъ былъ намъ полезенъ не столько своими лекціями, сколько тѣмъ, что заставлялъ насъ работать: мы должны были написать три сочиненія въ годъ на предложенныя имъ на нашъ выборъ темы, для которыхъ онъ указывалъ и раздавалъ пособія изъ заведенной имъ при его кафедрѣ студенческой бібліотеки, пополнявшейся имъ за счетъ ежегодныхъ

со студентовъ - первокурсниковъ, его слушателей, небольшихъ добровольныхъ денежныхъ сборовъ, и сверхъ того мы должны были сдѣлать одинъ переводъ съ церковно-славянскаго языка на русскій также по его назначенію. Первое свое сочиненіе я писалъ на тему: „объ организмѣ языка“ на основаніи нѣмецкаго сочиненія Беккера подъ тѣмъ же заглавіемъ *Ueber den Organismus der Sprache* и введенія Вильг. фонъ-Гумбольдта къ его сочиненію *Ueber die Kawisprache*. Сочиненія наши и переводы разсматривалъ, какъ мы слышали, не столько самъ С. П. Шевыревъ, сколько неофициальный его помощникъ Поповъ, подробно его знакомившій съ ними, и Шевыревъ публично сообщалъ намъ съ кафедры свои замѣчанія и наставленія по поводу нашихъ трудовъ. Мое вышеприведенное сочиненіе удостоилось чрезвычайно лестной для меня похвалы, а именно, что оно и по содержанію, и по изложенію и языку, дѣлаетъ честь тому заведенію, въ которомъ я воспитывался. Сочиненіе это съ подобною надписью было мнѣ потомъ возвращено дочерью Ст. Петр. Шевырева, К. С. Арсеньевой, когда я уже былъ предсѣдателемъ ученаго комитета, и было мною съ понятнымъ удовольствіемъ вновь перечитано: я нашелъ его безукоризненнымъ по языку и изложенію и очень старательно и добросовѣстно составленнымъ на основаніи бывшихъ у меня подъ рукою пособій. Какъ я уже говорилъ, Московскій дворянскій институтъ достигалъ въ этомъ отношеніи вполнѣ благопріятныхъ результатовъ, и мои братья были ни чуть не менѣе грамотны, чѣмъ я, Василій много превышая меня своею даровитостью, Дмитрій, — быть можетъ уступая нѣсколько мнѣ въ этомъ отношеніи, и при томъ для всѣхъ насъ институтцевъ не было большого труда писать сочиненія: такъ мы набили руку въ этомъ дѣлѣ.

Гегель, котораго такъ разносилъ передъ нами Шевыревъ, не давалъ мнѣ однако же покоя: хотѣлось такъ или иначе самому поближе съ нимъ познакомиться, и такъ какъ у меня были въ то время деньжонки отъ уроковъ, я забрался въ нѣмецкій книжный магазинъ Дейбнера на Кузнецкомъ мосту и тамъ спросилъ себѣ *Hegel's Sämmtliche Werke*. Мнѣ подали ихъ въ большомъ числѣ томовъ: я не попалъ, къ сожалѣнію, на его эстетику и остановился прежде всего на его *Philosophie der Geschichte*, о которой слышалъ и на лекціяхъ Грановскаго, и затѣмъ на *Geschichte der Philosophie*, предполагая, что съ этими сочиненіями я справлюсь и въ то же время познакомлюсь и съ исторіей философіи. Съ этою-то добычей я не

безъ торжества возвратился домой и тотчасъ же засѣлъ за *Philosophie der Geschichte*; но дѣло плохо спорилось: понималъ я очень и очень мало, черезъ пень въ колоду; принялся за исторію философіи, но и тутъ дѣло не пошло на ладъ. Гегель, очевидно, мнѣ не давался. Но тутъ я имѣлъ случай лично познакомиться съ М. Н. Катковымъ, и онъ вразумилъ меня и разъяснилъ, что надобно начинать изученіе философіи не съ Гегеля, а съ Платона.

Познакомился я съ Михаиломъ Никифоровичемъ *Катковымъ* въ началѣ 1846 г. не въ университетѣ, а у большой пріятельницы нашей семьи, особенно же старшей моей сестры, Елисаветы Алексѣевны Карльгофъ, урожденной Ошаниной, вдовы бывшаго помощника попечителя Одесскаго учебнаго округа, собиравшей у себя по вечерамъ въ субботы замѣчательнѣйшихъ въ то время въ Москвѣ дѣятелей въ области науки и литературы, безъ различія литературныхъ партій, къ которымъ они принадлежали. Тутъ можно было встрѣтить и А. С. Хомякова, М. П. Погодина, С. П. Шевырева, О. М. Бодянскаго, Ю. С. Бартенева, забавнаго старика, нѣкогда очень близкаго къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицыну, а съ другой стороны А. И. Герцена, С. М. Соловьева, М. Н. Каткова и большого его пріятеля А. П. Ефремова, впоследствии П. М. Леонтьева, В. Н. и А. Н. Драшусовыхъ и др. Изъ дамъ и дѣвицъ, кромѣ моей сестры, бывали чаще другихъ С. Гр. Полянская (бывшая потомъ замужемъ за генераломъ Рехневскимъ) и семейство Васильчиковыхъ. Чрезвычайно оживленные и занимательныя бесѣды не рѣдко прерывались мастерскими разсказами П. М. Садовскаго. Какъ теперь помню необыкновенный эффектъ его разсказа о только-что разразившейся февральской революціи 1848 года. Разсказъ началъ былъ безъ всякаго предувѣдомленія изъ угла гостиной всѣхъ ошеломившимъ восклицаніемъ: „Ухъ, какъ взопрѣлъ! Нѣтъ ли у васъ платочка, Парамонъ Парамоновичъ? А слышали, что случилось во Франціи? При квартальномъ поручикѣ сказать,— въ часть возьмутъ“.

М. Н. Катковъ, вмѣстѣ съ А. П. Ефремовымъ, принадлежалъ къ числу наиболѣе частыхъ посѣтителей субботъ Е. А. Карльгофъ и обыкновенно бывалъ очень веселъ и любезенъ, шутилъ и подшучивалъ надъ А. П. Ефремовымъ, спорилъ подчасъ съ Хомяковымъ, съ Бартеньевымъ и съ Герценомъ, но по временамъ какъ бы совсѣмъ уходилъ въ себя, и тогда уже нельзя было отъ него никому ни слова добиться, что весьма

нерѣдко случалось съ нимъ въ послѣдствіи до самаго конца его жизни.

Памятенъ мнѣ одинъ изъ этихъ споровъ. Дѣло шло о положеніи нашего духовенства и особенно о матеріальной его обезпеченности, о томъ, что ему приходится жить на добровольныя даванія прихожанъ за совершаемыя для нихъ требы. Михайлъ Никифоровичъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывался въ пользу этого изстари укоренившагося у насъ обычая. Онъ оправдывалъ его главнѣйше съ нравственной точки зрѣнія, находя, что наши пастыри являются такимъ образомъ прямыми послѣдователями Христа и Его учениковъ, что, преподавая своимъ прихожанамъ высшія блага духовныя, они пріемлютъ отъ нихъ блага мірскія со всеѣмъ смиреніемъ, подобающимъ ихъ сану. Между обѣими сторонами поддерживаются вполне правильныя отношенія и питаются чувства взаимной дружбы отъ друга зависимости, что несравненно лучше того преобладающаго и господствующаго положенія, какимъ пользуется въ своей паствѣ римско-католическое духовенство. Чѣмъ выше стоитъ авторитетъ духовнаго лица и чѣмъ болѣе оно поддерживаетъ въ своей паствѣ религіозныя чувства и духъ благочестія, тѣмъ болѣе оно будетъ обезпечено въ матеріальномъ отношеніи. Это одна изъ характерныхъ и драгоцѣнныхъ особенностей нашей православной церкви, и сохраненіе этой особенности М. Н. Катковъ считалъ весьма желательнымъ.

Вскорѣ я узналъ Михаила Никифоровича и какъ профессора. Это было въ началѣ 1846/47-го учебнаго года, когда мы, второкурсники, должны были слушать у него курсъ логики. Въ сущности это было скорѣе введеніе въ изученіе философіи вообще, нежели спеціальныя курсы логики, разъясненіе общихъ понятій о философіи, о ея значеніи и цѣли, объ отношеніи реальнаго и логическаго, бытія и мышленія, матеріальнаго и идеальнаго, и въ этомъ курсѣ своемъ, какъ въ послѣдствіи для меня разъяснилось, М. Н. Катковъ всего болѣе примыкалъ къ неизданному еще въ то время въ свѣтъ, прослушанному имъ въ Берлинѣ курсу Шеллинга: *Ueber die höchsten Prinzipien des Wissens*. „О высшихъ началахъ знанія“. Всѣхъ лекцій прочиталъ онъ въ этомъ году не болѣе 20-ти, очень часто хворалъ и пропускалъ лекціи, о чемъ мы всегда чрезвычайно жалѣли: лекціи эти, хотя были для насъ очень нелегко доступны, но тѣмъ не менѣе производили на насъ сильнѣйшее впечатлѣніе, открывая предъ нами невѣдомую намъ еще область знанія и все болѣе завлекая и заохочивая насъ къ ея изученію. При-

томъ же лекціи эти отличались столько же глубиною и вѣрностью мышленія, сколько и творческою силою слова, и читались съ такою силою убѣжденія, съ такою выразительностью, такъ вдохновенно, что по окончаніи каждой изъ нихъ мы долго еще оставались подъ обаяніемъ и не легко переходили къ другимъ занятіямъ или къ обычнымъ разговорамъ и болтовнѣ.

Замѣчательно, что при такомъ обладаніи своимъ предметомъ и при такихъ выдающихся профессорскихъ дарованіяхъ, Катковъ какъ бы не довѣрялъ самому себѣ или быть можетъ вѣрнѣе своимъ слушателямъ, ихъ способности слѣдить за развитіемъ его мысли и, какъ слѣдуетъ, понимать ее. При встрѣчахъ со мною у Е. А. Карльгофъ, онъ обыкновенно отзывалъ меня въ сторону или въ другую комнату и подолгу разспрашивалъ меня о содержаніи его послѣдней лекціи, стараясь уяснить себѣ, понялъ ли я его и такъ ли понялъ, какъ слѣдовало. Когда онъ ближе узнавалъ меня, то послѣ каждой лекціи онъ или вызывалъ меня къ себѣ въ профессорскую, или поджидалъ меня въ корридорѣ и тутъ же подвергалъ меня такимъ же разспросамъ. Такъ какъ въ то время почти всѣ студенты записывали лекціи за всѣми профессорами, то я предложилъ ему, что буду составлять каждую его лекцію и представлять ему на просмотръ. Такъ я и дѣлалъ, и вообще онъ былъ доволенъ моимъ изложеніемъ, самъ его не исправлялъ, но дѣлалъ на словахъ свои замѣчанія, указывая, что и какъ должно быть измѣнено и дополнено.

Такъ или иначе, но вскорѣ онъ пришелъ къ заключенію, что этотъ курсъ его превышаетъ средній уровень, на которомъ стояли тогдашніе студенты, и въ изложеніи какъ логики, такъ и въ особенности психологіи онъ сталъ ближе всего держаться извѣстнаго берлинскаго профессора Бенке, и эти лекціи его привлекали массу студентовъ не только словеснаго и юридическаго, но и другихъ факультетовъ, особенно же медицинскаго; между слушателями были и профессора—Рулье, П. М. Леонтьевъ и духовныя лица. Еще большій успѣхъ имѣли его лекціи, посвященныя введенію въ исторію философіи и разъяснявшія міросозерцаніе древнихъ, развитіе религіозныхъ вѣрованій и религіозно-философскихъ ученій древняго Востока и древней Греціи. Этотъ курсъ былъ превосходно записанъ и составленъ однимъ изъ наиболѣе зрѣлыхъ тогдашнихъ слушателей Каткова, бывшимъ потомъ заслуженнымъ профессоромъ Харьковскаго университета, нынѣ умершимъ П. А. Безсоновымъ, и эти записки его были исправлены самимъ Михаиломъ Никифоро-

вичемъ, были списываемы многими студентами, въ томъ числѣ и мною, и, по моему мнѣнію, вполне заслуживали бы и теперь изданія въ свѣтъ. Появившіяся впослѣдствіи въ I и III томахъ Пропилеевъ П. М. Леонтьева: „Очеркъ древнѣйшаго періода греческой философіи“ М. Н. Каткова служатъ прямымъ продолженіемъ этого его курса.

Профессорская дѣятельность М. Н. Каткова далеко не ограничивалась однимъ чтеніемъ лекцій: онъ удѣлялъ не мало времени на частныя бесѣды съ тѣми изъ своихъ слушателей, въ которыхъ успѣлъ пробудить охоту къ изученію философіи, разъясняя имъ свои лекціи, руководя ихъ домашнимъ чтеніемъ философскихъ сочиненій, требуя отчета въ этомъ чтеніи, снабжая ихъ книгами изъ своей или университетской бібліотеки, тщательно провѣряя ихъ письменныя работы по этой части. Какъ только Михаилъ Никифоровичъ узналъ о моихъ попыткахъ читать Гегеля, онъ, какъ уже сказано, тотчасъ же положилъ этому конецъ и очень настойчиво указалъ мнѣ, что начинать нужно съ Платона и притомъ съ легчайшихъ его діалоговъ въ порядкѣ, который онъ тогда же мнѣ предложилъ, а затѣмъ уже приняться за Аристотеля. Платонъ и Аристотель, говорилъ онъ, господствуютъ надо всѣмъ послѣдующимъ движеніемъ философствующей мысли; основательное знакомство съ ихъ системами обязательно для всякаго философствующаго ума, необходимо для пониманія всего дальнѣйшаго развитія философіи и служитъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ серьезности занятій философскими предметами.

На этомъ же настаивалъ онъ и въ послѣдніе годы своей жизни, принимая самое дѣятельное участіе въ преобразованіи историко-филологическаго факультета нашихъ университетовъ въ духъ и смыслъ университетскаго устава 1884 г.

Отложивъ въ сторону Гегеля, я принялся за Платона и прежде всего за его „Апологию Сократа“ и „Критона“, которые были нами прочитаны еще въ дворянскомъ институтѣ подъ руководствомъ незабвеннаго нашего учителя д-ра Громана.

Въ концѣ 1846 г. нашъ профессоръ русской словесности и деканъ факультета И. И. Давыдовъ былъ переведенъ на службу въ Петербургъ директоромъ главнаго педагогическаго института и новый нашъ деканъ С. П. Шевыревъ объявилъ намъ рѣшеніе факультета, чтобы мы взаимно лекцій и экзамена по русской словесности изготвили къ экзаменному времени въ маѣ 1847 г. болѣе или менѣе обширное сочиненіе по той или другой каѳедрѣ, какъ сами пожелаемъ, но, посовѣтовавшись на-

передъ о выборѣ темы съ представителемъ этой кафедры. Я обратился къ М. Н. Каткову, и онъ посоветовалъ мнѣ заняться изученіемъ одного изъ труднѣйшихъ діалоговъ Платона „Софистъ“ въ подлинникѣ, въ изданіи я съ комментаріями Шталлбаума, но съ помощью, гдѣ окажется нужнымъ, превосходнаго, по близости къ подлиннику и по красотѣ языка, русскаго перевода, съ значительными заимствованіями изъ церковно-славянскаго языка, сочиненій Платона, сдѣланнаго въ концѣ XVIII-го вѣка священникомъ Сидоровскимъ и издавнаго въ свѣтъ нашею академіей наукъ, а также и нѣмецкаго перевода Шлейермахера, и написать обстоятельный анализъ этого діалога. Въ этой работѣ нерѣдко встрѣчаясь съ затрудненіями, которыхъ я не могъ самъ преодолѣть, я смѣло обращался къ Михайлу Никифоровичу за разъясненіями, какъ онъ самъ того требовалъ, и онъ, не щадя времени и труда, старался разъяснить мнѣ сущность всякаго вопроса, съ которымъ я встрѣчался въ діалогѣ Платона. Въ пылу этихъ разъясненій Михайлъ Никифоровичъ забывалъ и время, и себя, и даже до нѣкоторой степени и своего слушателя, не провѣряя вовсе, слѣдитъ ли онъ за мыслью своего наставника и усваиваетъ ли онъ ее себѣ вполнѣ: Михайлъ Никифоровичъ во всякомъ случаѣ былъ несравненно болѣе мыслителемъ, философомъ, ученымъ, нежели педагогомъ.

Изучивъ, насколько я могъ, діалогъ Платона „Софистъ“ и написавъ о немъ большое сочиненіе, я еще въ началѣ апрѣля 1847 г. представилъ его Михайлу Никифоровичу, который имѣлъ не одну еще бесѣду со мною по содержанію, изложенію и языку моей работы и былъ вообще ею доволенъ. Въ концѣ послѣдней о ней бесѣды я усердно просилъ Михаила Никифоровича переслать мое сочиненіе декану съ отзывомъ о немъ и оцѣнкой его балломъ, что онъ обѣщалъ непременно исполнить, присовокупивъ, что онъ уже говорилъ С. П. Шевыреву о моемъ трудѣ съ большою похвалою. Каково же было мое удивленіе и смущеніе, когда въ половинѣ мая С. П. Шевыревъ, вызывая поочередно студентовъ къ экзаменному столу и сообщая имъ краткій отзывъ о сочиненіи каждаго изъ нихъ вмѣстѣ съ выставленнымъ за него балломъ, мнѣ объявилъ, что выставляетъ мнѣ нуль, такъ какъ я своего сочиненія не представилъ. „Но вѣдь вамъ извѣстно, Степанъ Петровичъ,—сказалъ я,—что я во-время подалъ свое сочиненіе М. Н. Каткову, и онъ съ похвалою отзывался о немъ вамъ же самимъ, и обѣщалъ мнѣ переслать его вамъ, но почему онъ этого не сдѣлалъ, мнѣ не-

известно: я сейчас съѣзжу къ нему и самъ привезу вамъ сочиненіе".— "Теперь уже поздно, и если вы не довѣряете мнѣ, какъ ученому, то должны были бы вы и вашъ наставникъ признавать мой авторитетъ, какъ декана". Я въ большомъ смущеніи поскакалъ къ Каткову. Онъ былъ въ отчаяніи отъ своей оплошности: отзывъ былъ имъ написанъ и вмѣстѣ съ моимъ сочиненіемъ вложенъ въ конвертъ, конвертъ подписанъ на имя Шевырева, запечатанъ... и забытъ на письменномъ столѣ, затерявшись между книгами и бумагами. Михаилъ Никифоровичъ самъ тотчасъ же отвезъ его Шевыреву, и все уладилось благополучно.

Изъ другихъ профессоровъ, которыхъ я слушалъ на первыхъ двухъ курсахъ, самымъ выдающимся былъ, конечно *С. М. Соловьевъ*, только-что вступившій на кафедру русской исторіи по защищеніи своей магистерской диссертациі: „Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ“. Онъ былъ во всякомъ случаѣ звѣздою первой величины; тогда только-что началъ онъ заявлять себя въ наукѣ, а затѣмъ вскорѣ ознаменовалъ себя многими замѣчательными трудами и положилъ начало новому періоду разработки русской исторіи. Лекціи читалъ онъ вообще очень оживленно, нѣсколько отрывисто, разнообразя и оживляя свое изложеніе заимствованіями изъ первоначальныхъ источниковъ, при чемъ смыслъ событій сводилъ главнѣйше къ борьбѣ родового начала съ государственнымъ или къ борьбѣ началъ государственнаго и противогосударственнаго. Такъ напримѣръ, въ до-Петровской Руси казаки и раскольники являлись у него только представителями противогосударственнаго начала такъ же, какъ и Пугачевъ впоследствии. Впрочемъ то, что было намъ читано на III и IV курсахъ историко-филологическаго факультета въ видѣ спеціальнаго курса, имѣло характеръ не болѣе какъ мало разработанныхъ матеріаловъ, собранныхъ вмѣстѣ и расположенныхъ въ известномъ порядкѣ по известнымъ группамъ. Такъ имъ была излагаема намъ русская исторія съ воцаренія дома Романовыхъ до кончины Императрицы Екатерины II.

Избалованныя художественнымъ воспроизведеніемъ давно минувшихъ дѣлъ такими мастерами, какъ Грановскій и Кудрявцевъ, мы находили, что лекціи *С. М. Соловьева*, особенно спеціальныя его курсы съ воцаренія дома Романовыхъ, были не болѣе какъ *rudis indigestaque moles* (то-есть грубая и не переработанная гряда). Со студентами *С. М. Соловьевъ* былъ мало обходителенъ и рѣзокъ, мало вообще имъ доступенъ; онъ слишкомъ

дорожилъ своимъ временемъ, чтобы тратить его на учениковъ. Студенты вообще считали его большимъ педантомъ и формалистомъ и говорили, что у него всякая минута распредѣлена и имѣетъ свое назначеніе, и съ часами въ рукахъ можно сказать, что въ какое время онъ дѣлаетъ и чѣмъ занимается, и прибавляли къ этому, что когда онъ идетъ гулять съ семьей, никто изъ домашнихъ не смѣетъ заговаривать съ нимъ первый, пока онъ не станетъ самъ разговаривать. И лично въ качествѣ студента совсѣмъ у него не бывалъ, а впоследствии какъ у декана бывалъ очень рѣдко, не иначе какъ по дѣлу; встрѣчая же его вмѣстѣ съ другими профессорами у Елизаветы Алексѣевны Карльгофъ, вышедшей потомъ вторично замужъ въ концѣ 1848 г. за профессора астрономіи А. Н. Драшусова, я находилъ, что С. М. Соловьевъ былъ вообще очень пріятнымъ и оживленнымъ собесѣдникомъ, хотя быть можетъ нѣсколько отрывистымъ и рѣзкимъ.

Тамъ же я встрѣчалъ впоследствии и *О. М. Бодянского*, профессора славянскихъ нарѣчій, котораго мы по его хромотѣ и неуклюжести звали косолапымъ Мишкой. Онъ былъ хохоль съ головы до ногъ, говорилъ всегда на *о*, съ большимъ юморомъ, часто употребляя очень удачно пословицы и поговорки, которыя переходили и въ нашъ студентскій обиходъ (какъ, напримѣръ: „не всюду съ вѣрой, а индѣ и съ мѣрой“). Онъ жилъ наукой и для науки; магистерскіе и докторскіе диспуты на нашемъ факультетѣ были для него всегда большимъ праздникомъ, и при этомъ онъ очень забавлялъ публику своими неожиданными выходками. На диспуты онъ являлся съ карманами своего широкаго вицмундира, набитыми книгами, и коли диссертантъ выражалъ хотя-бы тѣнь сомнѣнія въ вѣрности его цитатъ, онъ тотчасъ же начиналъ доставать изъ своихъ кармановъ и изъ-подъ своего кресла принесенныя имъ заранѣе книги со словами: „А вотъ постойте-ка: я васъ угощу настоящимъ золотомъ“, и тогда его чтенію цитатъ конца не было, и декану не легко было его унять.

Свои лекціи главнымъ образомъ онъ читалъ на III и IV курсахъ; на II онъ начиналъ только курсомъ славянской народописи, то-есть, географико-этнографическимъ обзорѣніемъ славянскаго міра, и это былъ едва-ли не самый полезный изъ всѣхъ его курсовъ; затѣмъ шли спеціальнѣйшіе курсы: о звукахъ *ъ* и *ь* и ихъ значеніи въ фонетикѣ славянскихъ нарѣчій, о Янѣ Гуссѣ, при чемъ намъ предлагались сырые матеріалы для его біографіи на латинскомъ и другихъ языкахъ, и, нако-

нецъ, шло преподаваніе самихъ нарѣчій польскаго и чешскаго, болгарскаго и сербскаго и чтеніе имѣющихся на нихъ лучшихъ произведеній. Вышеупомянутые спеціальнѣйшіе курсы я, грѣшный человѣкъ, находилъ для насъ совсѣмъ бесполезными безъ предварительнаго обзорѣнія всей исторіи славянскихъ племенъ и народовъ и безъ предварительнаго толковаго изученія какъ старославянскаго церковнаго языка, такъ и отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій. Между тѣмъ изученіе сихъ послѣднихъ до крайности затруднялось неимѣніемъ въ нашихъ рукахъ ни грамматикъ, ни словарей, ни христоматій, ни самихъ произведеній на этихъ языкахъ. Съ польскимъ языкомъ еще дѣло шло кое-какъ, и мы раздобыли достаточное число экземпляровъ поэмы *Antonijo Malczewskiego-Maęa*, которую намъ читалъ или вѣриѣ которую заставлялъ насъ читать на лекціяхъ и переводить *О. М. Бодянскій*, и сверхъ того мы могли пользоваться гдѣ нужно помощью нашихъ товарищей-поляковъ; но съ чешскимъ языкомъ было совсѣмъ плохо, такъ что вообще преподаваніе *Бодянскаго* для большинства изъ насъ прошло совсѣмъ безслѣдно. Но еще безплоднѣе было преподаваніе его кратковременнаго преемника по кафедрѣ *В. И. Григоровича*, который занималъ предъ тѣмъ кафедрю славянскихъ нарѣчій въ *Казанскомъ университетѣ* и съ которымъ долженъ былъ помѣняться университетомъ *О. М. Бодянскій*, навлекшій на себя эту кару напечатаніемъ въ русскомъ переводѣ въ октябрѣ 1848 г. въ первой книгѣ за четвертый годъ (1848-й) „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ сочиненія *Флетчера*, относившагося къ 1588 году: „О Государствѣ Русскомъ или образѣ правленія Русскаго Царя, обыкновенно называемаго Царемъ Московскимъ ¹⁾“.

Въ сочиненіи этомъ было найдено много неблагопріятныхъ отзывовъ о русскомъ образѣ правленія, о русской церкви и духовенствѣ того времени. *Графъ Уваровъ*, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, постоянно враждовавшій съ *графомъ Строгановымъ*, когда онъ былъ попечителемъ Московскаго округа, доложилъ объ этомъ Государю *Николаю Павловичу*; книжка была изъята изъ обращенія; Общество исторіи и древностей лишилось права собственной цензуры надъ своими изданіями, съ подчиненіемъ ихъ общему цензурному уставу;

¹⁾ *Бодянскій* былъ секретаремъ этого общества, а *графъ С. Г. Строгановъ*, только 20 ноября 1847 г. покинувшій должность попечителя Московскаго учебнаго округа, его президентомъ.

графъ Строгановъ подѣ предлогомъ частыхъ отлучекъ изъ Москвы, а Бодянской подѣ предлогомъ множества другихъ занятій отказались отъ своихъ должностей по этому Обществу, и Бодянской получилъ предложеніе отправиться въ Казань для продолженія своей профессорской службы. Бодянской съ свойственнымъ ему упрямствомъ въ Казань не поѣхалъ и былъ вовсе уволенъ отъ службы, а Викторъ Ивановичъ Григоровичъ пріѣхалъ къ намъ изъ Казани и былъ у насъ преподавателемъ, если не ошибаюсь, всего два полугодія въ 1849 г. Что онъ намъ читалъ, не припомню; но какъ онъ читалъ объ этомъ сохранилось у меня самое грустное воспоминаніе. Менѣе рѣчистаго профессора или учителя мнѣ не приходилось слышать на своемъ долгомъ вѣку: въ его крайне запутанной и усложненной всякаго рода вводными словами и предложеніями рѣчи то и дѣло не доставало или подлежащаго, или сказуемаго, или прямого дополненія, такъ что понимать его было очень трудно, а записывать за нимъ совсѣмъ невозможно.

Когда въ началѣ 1850 г. Бодянской снова появился на кафедрѣ, возстановленный въ своемъ званіи исправляющаго должность ординарнаго профессора, 4-го декабря 1849 г., мы всѣ были искренно этимъ обрадованы, хотя и питали большое уваженіе къ В. И. Григоровичу, какъ къ человѣку очень доброму, ученому и оказавшему большія услуги своей наукѣ.

Невозможно было также записывать за Александромъ Павловичемъ *Ефремовымъ*; но можно было съ удовольствіемъ и не безъ пользы слушать его лекціи по географіи. Читалъ онъ намъ на двухъ первыхъ курсахъ въ качествѣ приватъ-доцента общій физическій обзоръ земного шара по Риттеру и затѣмъ въ видѣ примѣненія общихъ началъ Риттерова географическаго ученія очень подробную географію южной Африки. Это были хорошо составленныя и хорошимъ языкомъ изложенныя лекціи или, лучше сказать, записки, которыя А. П. Ефремовъ очень скоро читалъ, совсѣмъ почти не отрываясь отъ нихъ, не слѣдя за тѣмъ, слушаемъ ли мы и понимаемъ ли мы его, нисколько не заботясь о насъ и не вступаая съ нами ни въ какое внутреннее общеніе, которое всегда устанавливается между профессоромъ, внимательнымъ къ своей аудиторіи, и его слушателями, хотя бы ни съ той, ни съ другой стороны не было никакихъ ни вопросовъ, ни отвѣтовъ. По окончаніи каждой лекціи онъ наскоро складывалъ свои записки, раскланивался съ нами и поспѣшно уходилъ изъ аудиторіи, ни на кого изъ насъ не смотря и какъ бы боясь, чтобы кто изъ насъ не остановилъ

нѣмецки и то не безъ большихъ ошибокъ, знающихъ же порядочно нѣмецкій языкъ было такъ мало, что не стоило устраивать изъ нихъ особое отдѣленіе и читать имъ лекціи по исторіи нѣмецкой литературы.

Напротивъ, лекціи *Пако* (Pascauld) по исторіи французской литературы я посѣщалъ очень усердно, составлялъ ихъ и послѣ просмотра и исправленія ихъ сестрою Наденькой представлялъ ему на просмотръ и окончательное исправленіе. Содержаніе его лекцій было самое заурядное, во всякомъ случаѣ не лучше тѣхъ, которыя намъ читалъ въ Институтѣ M-r Peulan d'Angers, но составленіе лекцій и такое двойственное ихъ исправленіе было для меня очень полезно, какъ упражненіе въ письменномъ изложеніи на французскомъ языкѣ.

Вообще сестра моя Наденька живо интересовалась всѣмъ, что дѣлалось въ университетѣ, всегда спрашивала меня о прослушанныхъ мною лекціяхъ, читала составлявшіяся мною лекціи Каткова и своимъ живымъ интересомъ очень оживляла мои занятія и поддерживала къ нимъ мое рвеніе; но времени для такихъ бесѣдъ съ нею становилось у меня все меньше и меньше: я хотѣлъ воспользоваться всѣмъ, что предлагалъ намъ университетъ, и съ перваго же года принялся усердно посѣщать уроки лектора итальянскаго языка Джузеппе *Рубини* и лектора англійскаго языка мистера *Герве* (Hervey). Уроки эти бывали по три раза въ недѣлю одинъ за другимъ съ 4-хъ часовъ до 6-ти. Въ два часа оканчивались общія лекціи, начинавшіяся съ 9-ти часовъ утра, и на эти 2 промежуточные часа не стоило возвращаться домой при отдаленности нашего дома отъ университета ($\frac{3}{4}$ часа ходьбы въ каждый конецъ). Этими двумя промежуточными часами я пользовался частью для отдохновенія и подкрѣпленія себя пищей, а частью для чтенія газетъ и журналовъ. Завтракать ходилъ я въ ближайшей отъ университета трактиръ Британію или въ Желѣзный (надъ желѣзными лавками) Печкина или въ другой трактиръ Печкина почти рядомъ съ Желѣзнымъ: во всѣхъ нихъ получались русскія газеты и журналы: „Москвитянинъ“, „Отечественныя Записки“, „Библіотека для Чтенія“, впоследствии „Современникъ“. Самый дешевый изъ этихъ трактировъ и потому наиболѣе посѣщаемый студентами была Британія: тамъ за 10 к. можно было имѣть большой и очень вкусный пирогъ съ говядиной, яйцами и подливкой, за который въ Желѣзномъ нужно было заплатить 15 или 20 к., а въ Печкинскомъ и всѣ 25 или 30. Но зато въ Британіи всегда стоялъ дымъ столбомъ, всегда

было накурено, всегда была толпа студентовъ, и очень трудно было заполучить какой-либо журналъ и неприятно было читать въ этой атмосферѣ. такъ что для чтенія журналовъ я предпочиталъ ходить въ Желѣзный или Печкинскій и тамъ уже и завтракать. Статьи Бѣлинскаго, а также Герцена (Искандера) „Письма объ изученіи природы“, „Кто виноватъ“, „Записки доктора Крупова“ и Парижскія его письма изъ Avenue Maigny были тогда нарасхватъ, читались нами съ величайшимъ увлеченіемъ и болѣе или менѣе сбивали насъ съ толку, но не въ такой мѣрѣ, какъ это было впоследствии, ибо окружавшая насъ среда была несравненно болѣе здоровою, твердою и способною сдерживать молодежь въ предѣлахъ благоразумія.

Но чаще, чѣмъ въ Британію или въ Желѣзный, я на эти промежуточные часы или во время пропускаемыхъ мною лекцій Геринга, Клина, Шестакова и Меньшикова заходилъ въ кондитерскую Педотти на углу Тверской и Долгоруковскаго переулка, чтобы читать тамъ иностранныя газеты: это бывало почти ежедневно. Какъ-то разъ еще въ началѣ моего студенчества, взбѣгая по лѣстницѣ на пути въ большую словесную аудиторію, я наткнулся на А. П. Чивилева, бывшаго моего институтскаго директора: онъ остановилъ меня и очень расспрашивалъ о моихъ занятіяхъ и между прочимъ посоветовалъ мнѣ читать иностранныя газеты, изъ французскихъ особенно *Journal des Débats*, а изъ нѣмецкихъ *Allgemeine Zeitung*, издававшуюся тогда въ Аугсбургѣ, говоря, что это совершенно необходимо для пополненія и расширенія своего образованія и своего умственнаго кругозора. „Такимъ образомъ вы будете знать все, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, въ мірѣ политики, наукъ, искусствъ и литературы, по крайней мѣрѣ всѣ важнѣйшія событія и всѣ замѣчательнѣйшія явленія и произведенія современности: безъ этого нельзя быть вполне образованнымъ и развитымъ человѣкомъ“. Съ того времени я и сталъ ходить къ Педотти и читать *Journal des Débats* и *Allgemeine Zeitung* и другія газеты, особенно же *Indépendance Belge*, и совсѣмъ втянулся въ это чтеніе.

Изъ студентовъ встрѣчалъ я у Педотти весьма немногихъ, чаще другихъ Микуцкаго: это былъ колоссальнаго роста и вообще колоссальныхъ размѣровъ человѣкъ, лѣтъ на 20, по меньшей мѣрѣ, старше меня и однимъ курсомъ меня моложе. Онъ былъ замѣшанъ, какъ рассказывали, въ польскомъ мятежѣ 1830 г., сданъ въ солдаты, лѣтъ 15 пробылъ въ солдатахъ и затѣмъ, благодаря графу С. Г. Строганову, получилъ дозволеніе вступить въ Московскій университетъ, гдѣ занимался глав-

нѣйше славянскими нарѣчіями и сравнительнымъ языковѣдѣніемъ (такой кафедрѣ тогда еще не было въ нашихъ университетахъ); онъ держался въ сторонѣ отъ всѣхъ студентовъ и только меня почему-то не дичился. „Я видѣлъ, какъ вы звонили къ богатому жида и какъ вамъ не скоро отворили дверь, и все-таки васъ къ нему не пустили, и мнѣ стало жаль васъ“, — объяснялъ онъ какъ-то мнѣ свою пріязнь. А звонился я дѣйствительно у богатаго подъѣзда богатаго дома на Большой Никитской, гдѣ жилъ мой товарищъ дѣтства съ своей семьей, Валентинъ Петровичъ Шелашниковъ; его-то Микуцкій и записалъ въ богатые жида, которыхъ онъ, очевидно, очень не долюбивалъ. Я никогда не заговаривалъ съ нимъ о немъ самомъ и о его прошедшемъ ни у Педотти, ни въ университетѣ, ни на пути изъ университета, и это онъ, повидимому, особенно цѣнилъ во мнѣ; но когда онъ уже слишкомъ надѣдалъ мнѣ своими корнесловіями, я, придравшись къ какому-нибудь слову, старался свести разговоръ на политику, и тогда онъ тотчасъ же оставлялъ меня, уходилъ въ другую комнату, а если это было у Педотти, то и вовсе уходилъ изъ кондитерской. По польскому языку отъ него не было никакой помощи, ибо онъ избѣгалъ не только говорить съ нами по-польски, но и произносить какія-либо польскія слова. Впослѣдствіи Микуцкій составилъ себѣ нѣкоторое имя своими трудами по литовскимъ нарѣчіямъ.

Но я отклонился далеко въ сторону отъ уроковъ итальянскаго и англійскаго языковъ, для которыхъ приходилось оставаться близъ университета отъ 2 до 4 часовъ и въ самомъ университетѣ отъ 4 до 6-ти по три раза въ недѣлю. У старика Рубини дѣло спорилось прекрасно, благодаря его живости и энергіи, а особенно тому, что онъ не говорилъ съ нами иначе, какъ по-итальянски. „Ничего что пока плохо меня понимаете и не можете мнѣ отвѣчать, а вотъ мѣсяца черезъ два будете не только меня понимать, но и разговаривать со мной“. Такъ и случилось. Напротивъ, съ флегматическимъ Герве дѣло шло много хуже, и онъ не говорилъ съ ними вовсе по-англійски и самъ читалъ очень мало, такъ что англійскаго говора и произношенія мы очень мало слышали и учились англійскому языку не столько слухомъ, сколько зрѣніемъ, сочиняя себѣ свое совершенно неправильное произношеніе. Начинало учиться и тому и другому языку довольно большое число студентовъ разныхъ факультетовъ; но затѣмъ число это все болѣе и болѣе уменьшалось, и въ концѣ концовъ оставалось не болѣе 3—4 по-

сѣтителей по каждому языку. Итальянскому я научился настолько, что могъ читать на немъ любое произведеніе и вскорѣ запасся по случаю довольно хорошими изданіями всѣхъ сочиненій Маккиавели и *I quattro poeti italiani* (Данте, Петрарка, Аріосто и Тассо). По нуждѣ я могъ на немъ и объясняться; но англійскимъ языкомъ пришлось прижаться еще впоследствии, когда представился къ тому особенно благопріятный случай.

Лекціи богословія на I курсѣ стояли какимъ-то совершеннымъ особнякомъ среди всѣхъ прочихъ лекцій и читались чрезвычайно монотонно, сухо, безжизненно, такъ что ни въ какомъ отношеніи не могли произвести на насъ благотворнаго дѣйствія. Ни переклички, ни репетиціи въ видѣ пересказа тѣми или другими изъ вызванныхъ студентовъ каждой предыдущей лекціи нисколько не помогли, а скорѣе даже вредили дѣлу, подавая поводъ обманывать достолочтеннаго профессора и настоятеля университетской церкви, доктора богословія Петра Матвѣевича *Терновскаю*, и откликаться и даже отвѣчать другъ за друга, такъ какъ онъ никакъ не могъ знать всѣхъ насъ въ лицо. Я также не былъ исправнымъ посѣтителемъ его лекцій, тѣмъ болѣе, что унаслѣдовалъ его книгу: „Догматическое богословіе“ отъ старшаго брата и хорошо зналъ, что онъ читаетъ свой курсъ по этой книгѣ безъ всякой перемѣны. Но въ какомъ совершенно несоотвѣтственномъ настроеніи духа я тогда былъ въ этомъ отношеніи, можно видѣть изъ одного факта, который теперь представляется мнѣ поразительнымъ и совершенно невѣроятнымъ. Дѣло было въ маѣ 1846 г.; приближался экзаменъ изъ богословія, который происходилъ всегда торжественно въ присутствіи самого митрополита Филарета. Я тогда готовился къ экзаменамъ одинъ и въ догматическомъ богословіи дошелъ до ученія о благодати, изложеніе котораго въ книгѣ Терновскаго начиналось текстомъ: „Якоже розга не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ, тако и вы аще во Мнѣ не пребудете. Азъ есмь Лоза, вы же рождіе: иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ, яко безъ Мене не можете творити ничесоже“ (I, 15, 4 и 5). Со стыдомъ и глубокимъ сокрушеніемъ вспоминаю теперь, что слова эти до такой степени возмутили меня и показались мнѣ такъ оскорбительными для человѣческаго достоинства, что я, забывъ, что это слова Самого Спасителя, бросилъ отъ себя книгу на другой конецъ стола и больше не бралъ въ руки ни ея, ни записокъ по нравственному богословію и такъ пошелъ на экзаменъ безъ

всякой дальнѣйшей подготовки. На экзаменъ дѣйствительно пріѣхалъ митрополитъ Филаретъ, и тутъ только почувствовалъ я нѣкоторое смущеніе: „Ну, какъ мнѣ придется при немъ отвѣчать изъ тѣхъ частей богословія, къ которымъ я и не прикасался!“ Этого однако не случилось, и мнѣ пришлось отвѣчать лишь на слѣдующій день о праздникахъ православной христіанской церкви, и я отвѣчалъ на этотъ вопросъ по старой памяти, въ предѣлахъ программы гимназическаго курса, и это былъ единственный предметъ, по которому я получилъ 3, тогда какъ по всѣмъ другимъ на всѣхъ курсахъ имѣлъ по 5. Но на экзаменѣ изъ богословія при митрополитѣ Филаретѣ отличился другой питомецъ Московскаго дворянскаго института, мой товарищъ, поступившій на юридическій факультетъ, Алексѣй Ивановичъ Рыжевъ: ему пришлось говорить о грѣхопадѣніи первыхъ людей и первородномъ грѣхѣ, и онъ, вмѣсто того, чтобы отвѣтить по-просту по книгѣ, принялся мудрствовать лукаво и объяснять библейское сказаніе аллегорически: бѣдный профессоръ-протоіерей, все время стоявшій передъ экзаменнымъ столомъ, за которымъ сидѣлъ митрополитъ, поблѣднѣлъ, какъ полотно, пытался остановить потокъ рѣчи Рыжева и не могъ и чуть было не свалился съ ногъ въ обморокъ, но устоялъ и пришелъ въ себя. Тогда митрополитъ сказалъ ему, какъ передавали тогда (я сидѣлъ довольно далеко, и слабый голосъ митрополита мнѣ не былъ слышенъ), указывая на Рыжева: „Мнѣ не о чемъ съ нимъ говорить, а ты его вразуми и наставь“.

Меня, въ моемъ постыдномъ неразумѣніи и самолюбіи отвергшаго ученіе о благодати Божіей, пришлось вразумлять и наставлять не отцу протоіерею Петру Матвѣевичу Терновскому, а болѣе строгому и безпощадному наставнику, самому житейскому озыту, и онъ-то на всемъ протяженіи моей долгой жизни на каждомъ шагу научалъ меня восклицать съ глубокимъ сокрушеніемъ сердечнымъ: „Воистину безъ Тебѣ не можемъ творить ничесоже!“ Впрочемъ, это не было личное мое самолюбіе и высокоуміе или превознесеніе и гордость самимъ собою: это было высокоуміе и превознесеніе относительно самой человѣческой природы, какъ будто бы она способна творить все доброе и хорошее сама собою и изъ самой себя и не нуждается ни въ какой помощи и ни въ какомъ руководствѣ свыше; ученіе о благодати Божіей мнѣ въ моемъ неразумѣніи и недомысліи казалось оскорбительнымъ не для меня лично, а для всей человѣческой природы, самъ же я лично не переставалъ чувствовать нужду въ Божіей помощи, не переставалъ ни Богу

молиться, ни въ церковь ходить, и такимъ образомъ былъ въ прямомъ противорѣчіи съ самимъ собою, долгое время самъ того не замѣчалъ.

Нѣкоторое время приходилось мнѣ исчезать изъ дому на цѣлые дни, именно когда у меня послѣ уроковъ итальянскаго и англійскаго языковъ были еще уроки, которые я давалъ у Устиновыхъ на Воздвиженкѣ близъ университета ихъ сыну, готовившемуся поступить въ III классъ Московскаго дворянскаго института: я приходилъ къ нимъ въ половинѣ 7-го часа вечеромъ, давалъ свои уроки, пилъ у нихъ чай и возвращался домой на извожикѣ. Такое позднее время дня очень способствовало успѣшности моихъ уроковъ, которые терпѣли еще отъ того, что классная наша комната была проходная близъ дѣвичьей, и многочисленныя горничныя то и дѣло шныряли мимо насъ.

Это были не первые мои частные уроки: доставляло ихъ мнѣ бывшее мое институтское начальство—А. И. Чивилевъ и Г. М. Ронцевичъ. Такъ, между прочимъ, давалъ я уроки Брандорфу, сыну Надежды Евдокимовны Стрекаловой отъ перваго ея брака съ казанскимъ полицеймейстеромъ, и я рассчитывалъ получить за эти уроки хорошее вознагражденіе, такъ какъ домъ Стрекаловыхъ у Красныхъ воротъ былъ очень богатый, а уроки были очень не легкіе: мальчикъ былъ лѣнивый и разсѣянный. Но расчеты мои оказались совсѣмъ невѣрны: Надежда Евдокимовна не заплатила мнѣ ровно ничего, а въ августѣ мѣсяцѣ предъ экзаменами послала директору А. И. Чивилеву великолѣпные фрукты на большомъ серебряномъ подносѣ въ великолѣпной вазѣ со всѣмъ подходящимъ богатѣйшимъ серебрянымъ раззолоченнымъ сервизомъ. Отправка этого подарка происходила передъ моимъ урокомъ, а къ концу урока въ нашу классную комнату явилась сама Надежда Евдокимовна, встревоженная, разсерженная и въ большомъ гнѣвѣ и вмѣстѣ смущеніи рассказала мнѣ: „Вообразите, что сдѣлалъ вашъ хваленый директоръ: онъ оставилъ у себя только фрукты, а подносъ со всѣмъ приборомъ приказалъ посланному отнести ко мнѣ въ цѣлости и сохранности, и сказать, что приказали-де кланяться и благодарить. Каковъ гусь! Вѣдь это теперь просто бѣда, что будетъ съ Колей“. Я въ душѣ торжествовалъ за нашего почтеннаго директора - профессора, подсмѣиваясь про себя надъ этою *bourgeoise - endimanchée*, но на дѣлѣ старался всячески ее успокоить, говоря, что если бы я зналъ заранее, то очень ей отсоветовалъ бы посылать подобные и какіе бы то ни было подарки

А. И. Чивилеву, но чтобы этот случай могъ какъ-нибудь неблагоприятно отразиться на исходѣ экзаменовъ Коли и дальнѣйшей его судьбѣ, этого никоимъ образомъ нельзя опасаться: Александръ Ивановичъ слишкомъ порядочный и справедливый человекъ, чтобы какое-либо свое неудовольствіе на васъ, какое могла въ немъ возбудить ваша посылка, онъ сталъ вымещать на вашемъ сынѣ, а вотъ что Коля слишкомъ разсвѣянъ, плохо учится и слишкомъ много и неприлично ухаживаетъ за Анной Павловной (русской гувернанткой, которой тутъ не было въ это время), это очень нехорошо, и это можетъ сильно вредить ему". Но Надежда Евдокимовна на мою жалобу не обратила никакого вниманія, будучи поглощена волновавшими ее чувствами по случаю преподаннаго ей Чивилевымъ хорошаго урока. Но мнѣ за мои уроки она такъ-таки ничего и не заплатила, полагая, вѣроятно, что съ меня довольно и чести давать уроки ея дѣйствительно очень красивому сыну и отъ времени до времени получать отъ нея приглашенія на ея завтраки, обѣды и вечера. Старика ея мужа сенатора С. С. Стрекалова я не рѣшился беспокоить, тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не интересовался моими уроками, и я имѣлъ дѣло только съ Надеждой Евдокимовной; но Чивилеву я жаловался на нее, и онъ сказалъ мнѣ, что ему было бы неудобно говорить съ ней объ этомъ и что онъ былъ бы очень доволенъ, если бы я подарилъ ей эти заработанныя мною деньги. Жаловался я на нее дальнимъ родственникамъ ея мужа Мельгуновымъ и помирился съ понесеннымъ мною ущербомъ, когда узналъ отъ нихъ, что она и въ картахъ по мѣрѣ возможности своихъ долговъ не платитъ, что объясняли сравнительно низменнымъ ея происхожденіемъ и плохимъ воспитаніемъ.

Къ этой же порѣ относятся и уроки мои у г-жи Мазуркевичъ, супруги одного изъ директоровъ опекунскаго совѣта, если я не ошибаюсь, или директора воспитательнаго дома, во всякомъ случаѣ очень важнаго должностнаго лица въ этомъ вѣдомствѣ, пользовавшагося отличною казенною квартирой, превосходно обставленною, и сверхъ того управляющаго дѣлами и имѣніями графа Панина, въ одномъ изъ имѣній котораго Веневитинѣ (близъ великолѣпнаго Марѣина) мы и должны были провести лѣтнее вакаціонное время. Наученный опытомъ съ Н. Е. Стрекаловой, съ которою я совсѣмъ не говорилъ напередъ о деньгахъ и не заключилъ никакихъ условій, я съ г-жею Мазуркевичъ прямо заговорилъ о томъ, сколько она дастъ мнѣ за все лѣто, при чемъ я бралъ на себя только уроки

по всѣмъ предметамъ двумъ ея сыновьямъ для приготовленія ихъ ко II классу Московскаго дворянскаго института, кромѣ французскаго языка, которымъ долженъ былъ заниматься ихъ гувернеръ M-eug Michel, на уроки же я соглашался употреблять отъ 3-хъ до 5-ти часовъ времени въ день, смотря по надобности, но всякій надзоръ за мальчиками, или совмѣстное съ ними жительство, или прогулки съ ними, я рѣшительно отклонилъ отъ себя, выговаривая себѣ полную свободу и достаточно времени для собственныхъ моихъ занятій. На все это M-me Мазуркевичъ тотчасъ же согласилась, но сама платы не назначала, а назначенную мною 200 р. асс. нашла слишкомъ высокою и принялась со мною торговаться. Я со свойственнымъ мнѣ гоноромъ заявилъ ей, что я готовъ давать уроки ея дѣтямъ совсѣмъ даромъ, если дѣйствительно они не въ состояніи мнѣ платить той ничтожной платы, какую я назначилъ, меньше 25 к. сер. за часъ занятій, считая всѣхъ учебныхъ дней въ лѣто 60 и по 4 часа въ день уроковъ. Это ее порядкомъ покорило, но тутъ пришелъ ея мужъ, и дѣло было тотчасъ же улажено согласно съ моимъ требованіемъ.

Венеитино было далеко не то, что Пехра или село Леоново Шелашниковыхъ; но господскій домъ былъ очень удобенъ и помѣстителенъ, кругомъ былъ довольно большой и сильно заросшій садъ, окрестности были красивы, и Марѣино, куда мы особенно часто ѣзжали въ видѣ прогулки въ ландо (M-me Мазуркевичъ, дѣти, M-eug Michel и я), было великолѣпно и жить можно было бы прицѣвляючи, если бы всѣ усилія почтенной хозяйки дома не были направлены съ самаго начала къ тому, чтобы меня обратить въ гувернера, независимо отъ моего учительства, а M-eug Michel'я въ собственнаго своего компаньона, какую должность и самъ Мишель, конечно, предпочиталъ гувернерской.

Это обрекало меня или на совершенное одиночество или же на общество мальчиковъ, очень шаловливыхъ, непослушныхъ и избалованныхъ и вдобавокъ ссорливыхъ между собою, такъ что не легко было не только чѣмъ-нибудь ихъ занять или научить какой-нибудь игрѣ, но и поддерживать между ними миръ и согласіе, а дисциплинарной власти я не имѣлъ надъ ними никакой, да и не добивался ея, не желая полнаго своего обращенія въ гувернеры; большого авторитета для нихъ я тоже имѣть не могъ, такъ какъ они видѣли, что ихъ мамаша всячески меня отъ себя удаляетъ, и вотъ когда бывало мои мальчуганы слишкомъ развоются между собой и со мною, мнѣ оставалось только пригрозить имъ, что я брошу ихъ однихъ съ

старой няней, которая обыкновенно появлялась на ихъ крики, и самому дѣйствительно уйти отъ нихъ или въ садъ, коли позволяла погода, или же въ свою комнату и братья за свои книги. Это было жаль, потому что Мишель былъ собственно умный, пріятный и забавный собесѣдникъ и едва-ли и самъ не тяготился подъ конецъ своими безконечными tête-à-tête'ами съ М-me Мазуркевичъ. Въ ресурсахъ для этого рода tête-à-tête'овъ у Мишеля не было впрочемъ недостатка: онъ былъ и рассказчикъ хорошій, и пѣть былъ мастеръ, и зналъ множество всякаго рода шансонетокъ швейцарскихъ и французскихъ, начиная съ

Il pleut, il pleut, bergère,
Garde tes blancs moutons

и кончая болѣе или менѣе скабрзными изъ Беранже и др.

Мужъ ея пріѣзжалъ лишь изрѣдка, не всякое воскресенье или праздникъ, и, конечно, не входилъ во всѣ эти подробности. Разъ какъ-то въ срединѣ лѣта привезъ онъ съ собою І. М. Ронцевича, который меня рекомендовалъ этой семьѣ. Это былъ большой ресурсъ для меня, такъ какъ Ронцевичъ былъ чело-вѣкъ очень умный и было съ кѣмъ душу отвести въ разговорѣ, и сверхъ того Ронцевичъ посвятилъ 2—3 часа на экзаменъ дѣтямъ изъ всего пройденнаго ими со мною, остался вообще доволенъ достигнутыми мною результатами, а главное, будучи очень свѣдущимъ и умѣлымъ преподавателемъ по всѣмъ предметамъ, собственно реального курса, онъ далъ мнѣ нѣсколько образцовъ такого развивающаго, воспитывающаго преподаванія, о которомъ я мало еще имѣлъ понятія, а также и много вообще полезныхъ дидактическихъ наставленій, и послѣ того мое преподаваніе пошло много успѣшнѣе прежняго. Мальчуганы мои были способные, и учить ихъ было не трудно, но усадить ихъ и держать въ порядкѣ было не легко, хотя относительно уроковъ они вполнѣ признавали мой авторитетъ.

Во время пребыванія моего въ Веневитинѣ я получилъ очень грустное и трогательное письмо отъ пашап. Она сообщила о смерти Устиньи, старой няни Елизаветы Алексѣевны Карльгофъ, которую она оставила въ нашей семьѣ, уѣзжая за границу, и о послѣдовавшей вскорѣ затѣмъ кончинѣ нашей дорогой бабушки Варвары Антоновны Малиновской. Старушка была премилая и предобрая и очень любила угощать насъ своими вареньями, которыя отлично умѣла готовить, мы очень ее за это любили, но еще болѣе любили ее за ее раз-

сказы изъ быта Малороссіи, гдѣ она родилась и провела большую часть жизни. Разказы эти были нерѣдко очень страшные, какъ, напр. о людоедкѣ Салтычихѣ, которая въ наказаніе отрѣзывала груди у провинившихся крѣпостныхъ дѣвокъ и женщинъ и ѣла ихъ и за то была заключена матушкой Екатериной въ глубокое подземелье подъ храмомъ кн. Владиміра въ Москвѣ, или о жидахъ, о которыхъ она вообще съ ужасомъ говорила какъ о хриstopродавцахъ и кровопійцахъ, употребляющихъ кровь христіанскую въ своихъ священныхъ обрядахъ: они галдятъ-де и изо всей мочи кричатъ въ своихъ школахъ-синагогахъ, чтобы тѣмъ заглушить крики дѣтей христіанъ, изъ которыхъ они выцѣживаютъ всю ихъ кровь, а такъ же и крики тѣхъ іудеевъ, нерѣдко взрослыхъ, которыхъ они наказываютъ въ синагогахъ розгами, хлыстами и плетью по приговору ихъ кагала, буде въ чемъ провинятся противъ жидовства, а разъ въ году въ судный день, который евреи обязаны проводить въ посту и молитвѣ въ синагогахъ, въ каждой изъ нихъ поднимается страшный вихрь, раскрывается земля и изъ разсѣлинъ ея выскакиваютъ діаволы, которые похищаютъ наиболѣе угодившихъ имъ евреевъ и уносятъ ихъ съ собою въ когтяхъ въ преисподнюю. Мы всему этому внимали, проникаясь ужасомъ къ жидамъ, которыхъ намъ впрочемъ не случилось видѣть въ Москвѣ и которые представлялись намъ какъ бы какими-то мнѣическими, но страшными существами.

Еще до отъѣзда моего въ Веневитино бабушка вышла совсѣмъ изъ своей обычной колеи: стала ежедневно наряжаться въ самыя парадныя свои платья, сходила внизъ и располагалась безъ всякаго дѣла въ гостиной, предупредивъ напередъ Сергѣя, чтобы онъ отнюдь не уходилъ изъ передней и чтобы, какъ только графъ подъѣдетъ къ крыльцу, онъ бѣжалъ къ нему навстрѣчу, распахнулъ предъ нимъ всѣ двери и доложилъ его сіятельству, что невѣста ждетъ его въ гостиной. Этотъ ожидаемый ею графъ былъ не кто иной, какъ давно умершій московскій главнокомандующій, знаменитый Екатерининскій царедворецъ и дѣятель, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, а бабушка наша воображала себя его невѣстою. Это было веселое умопомѣшательство, и отецъ приказалъ ни въ чемъ ей не перечить. Когда она встрѣчала кого изъ насъ, тотчасъ же приказывала: „Пойди, дружокъ, надѣнь поскорѣе свой новенькій мундирчикъ: не ровень часъ, пріѣдетъ графъ и застанетъ тебя въ старомъ разстегнутомъ сюртучишкѣ,—не хорошо, вѣдь онъ главнокомандующій“. Мы уходили какъ-бы переодѣваться, но конечно не переодѣва-

лись, а затѣмъ въ гостиной нерѣдко раздавались разговоры въ два разные голоса. Очевидно, что это бывали галлюцинаціи.

И вотъ теперь маман писала, что старушка тихо скончалась, что передъ тѣмъ она очень ослабѣла, слегла, что удалось убѣдить ее причаститься св. таинъ, и затѣмъ шло подробное описаніе похоронъ: меня не вызвали на нихъ, потому что пришлось бы выслать за мной экипажъ за 60 верстъ, а и безъ того хлопотъ было не мало, что все это такъ разстроило, что по истеченіи 9-ти дней вся семья наша отправилась въ Троицкую Сергіеву лавру, что содѣйствовало общему успокоенію и лучшему настроенію духа. Это былъ первый ударъ, поразившій мою семью, и то въ мое отсутствіе, а черезъ годъ съ небольшимъ 6-го августа 1847 г. разразился и второй несравненно ужаснѣйшій: не стало моего отца.

Въ это лѣто, какъ нарочно, всѣ мы были въ сборѣ у себя дома: я послѣ описаннаго выше свиданія съ Грановскимъ сидѣлъ за Ренке, Гагеномъ и др., собирая матеріалы для задуманной мною статьи о Гуттенѣ; старшій братъ мой Василій только-что окончилъ курсъ по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета дѣйствительнымъ студентомъ (съ его-то блистательными способностями!) и готовился поступить въ военную службу. Отецъ говаривалъ всѣмъ намъ: „Окончите напередъ полный курсъ въ университетѣ по факультету, къ которому у васъ больше сердце лежитъ, а затѣмъ идите хоть въ гусары, но если умны будете, то въ гусары не пойдете“. О гусарахъ онъ былъ, очевидно, не высокаго мнѣнія, и теперь убѣждалъ Василю итти въ гвардію и служить въ Петербургѣ, а потомъ поступить въ военную академію. Такъ и было рѣшено, и братъ уже запасся на 7-е августа билетомъ въ почтовой каретѣ (мальцостѣ), отирававшейся въ Петербургъ: желѣзной дороги тогда еще не было, она только-что строилась.

Отецъ въ послѣднее время обнаруживалъ какъ-бы нѣкоторую раздражительность, очень нападалъ на нашихъ профессоровъ, особенно же на Грановскаго, у котораго былъ какъ-то на публичной лекціи, и разъ какъ-то гуляя со мною по саду, страшно на меня разсердился, чего съ нимъ никогда не случилось прежде. Онъ жаловался на приливъ крови къ головѣ и по тогдашнему обычаю пустилъ себѣ кровь и сталъ снова чувствовать себя совсѣмъ хорошо. Наканунѣ Преображенія Господня онъ былъ въ церкви за всеюнощной въ своемъ приходѣ ап. Іакова, по обычаю пѣлъ на клиросѣ, читалъ пареміи и возвратился домой съ знакомой дамой и ея дѣтьми, пригласивъ ихъ къ себѣ пить чай въ саду (погода была чудесная),

былъ очень веселъ, много шутилъ и возился съ пришедшими съ нимъ изъ церкви дѣтьми. Когда начало смеркаться, всѣ ушли изъ саду, а мы еще оставались, такъ какъ лѣтомъ мы, братья, жили въ саду въ бесѣдкѣ. Когда я пошелъ прощаться съ родителями и проходилъ дворомъ, я видѣлъ въ освѣщенномъ окнѣ кабинета, какъ отецъ благословлялъ широкимъ крестомъ въ сторону, гдѣ былъ садъ и наша бесѣдка, и вслѣдъ затѣмъ свѣтъ исчезъ въ его окнахъ: мама объяснила мнѣ, что онъ почувствовалъ усталость и сонливость и легъ раньше обыкновеннаго спать: это былъ единственный разъ, когда, будучи дома, я не простился съ отцомъ и не поцѣловалъ его руки послѣ его благословенія.

На другой день 6-го августа часовъ около 7-ми мы были разбужены сильнымъ стукомъ въ наружную дверь, и когда ее отворили, вошелъ Сергѣй весь въ слезахъ со словами: „Нашъ баринъ скончался“ и рассказалъ намъ, какъ онъ былъ изумленъ, что уже отблаговѣстили къ ранней обѣднѣ, а баринъ все еще не вставалъ и своей двери не отпиралъ, что онъ началъ въ нее стучать все громче и громче, но отвѣта не было; тогда онъ просилъ разбудить барыню, а барыня приказала ему поднять окно съ палисадника на дворѣ, влѣзть черезъ него въ кабинетъ и отпереть дверь. „Баринъ лежалъ въ постелѣ на своемъ диванѣ, со свѣщенной лѣвою рукою, совсѣмъ холодною и мертвою; сейчасъ же послали экипажъ за докторомъ Воскресенскимъ; онъ пробовалъ отворить кровь, но кровь не пошла; прикладывалъ зеркало къ устамъ: никакихъ признаковъ дыханія; полагаютъ, что былъ разрывъ сердца, о чемъ и выдалъ свидѣтельство“. По мѣрѣ того, какъ я все это выслушивалъ, поспѣшно одѣваясь, мною все болѣе овладѣвала лихорадка: я весь трясся, и зубъ на зубъ не попадалъ. Когда мы пришли въ кабинетъ отца, омовеніе его бездыханнаго тѣла приходило къ концу; мы бросились въ объятія матери, и тутъ только она впервые зарыдала, но сейчасъ же оправилась и сказала: „Такъ Богу угодно, покоримся Его святой волѣ безропотно, перенесемъ наше несчастье, и будемъ молиться объ упокоеніи его души: я уже послала за священникомъ“. И вотъ начались тяжкіе дни испытанія для всей нашей семьи: панихиды смѣнялись панихидами; многіе изъ особенно преданныхъ отцу пациентовъ и особенно изъ духовныхъ лицъ сами заказывали или служили особо панихиды, и за каждою изъ нихъ мамѣ и старшей сестрѣ неминуемо дѣлалось дурно при возглашеніи діакonomъ „вѣчная память“, такъ что докторъ профессоръ Глѣбовъ, очень любившій моего отца и тотчасъ же насъ навѣстившій, настаивалъ, чтобы болѣе двухъ панихидъ въ

день не было. Очень живое участіе въ нашемъ несчастіи принимали всѣ знакомые, бывшіе въ Москвѣ, особенно же майоръ карабинернаго полка Николай Дмитріевичъ Родичевъ, съ давнихъ поръ почти ежедневно у насъ бывавшій по вечерамъ и составлявшій отцу партію въ бостонъ или въ преферансъ и теперь взявшій на себя въ то время не легкія и многосложныя распоряженія по части похоронъ. Все было справлено какъ нельзя лучше: въ отпѣваніи участвовали многія духовныя лица, между прочимъ, и нашъ бывший многоуважаемый законоучитель отецъ Іозаннъ Николаевичъ Рождественскій. Въ числѣ провожавшихъ было множество бѣдняковъ, которыхъ отецъ дѣлилъ даромъ и которымъ онъ помогалъ: они провожали теперь его останки до Введенскаго кладбища. Тамъ была похоронена наша бабушка, и тамъ же тотчасъ послѣ ея похоронъ родители выбрали мѣсто и для себя. Похороны были 9 августа: день былъ жаркій и ясный, и вся толпа, и во главѣ ея мы втроемъ, въ нашихъ студенческихъ мундирахъ, совершили весь этотъ длинный путь отъ церкви Іакова апостола до Введенскаго кладбища. Само собою разумѣется, что братъ Василій въ Петербургъ не поѣхалъ. Въ то время похороны завершались поминками большею частью въ кладбищенской гостиницѣ: мамап и сестры были въ такомъ изнеможеніи, что не остались обѣдать, а уѣхали домой; главнымъ распорядителемъ былъ Н. Д. Родичевъ, а мы трое его помощниками. Я впрочемъ могъ быть только плохимъ помощникомъ, ибо съ самаго утра 6 августа впалъ въ какое-то безсознательное состояніе и все твердилъ и про себя, и вслухъ слова молитвы: „Буди милость твоя, Господи, на насъ, яко же уповахомъ на Тя“. Теперь послѣ такого похода по жарѣ меня болѣе всего мучила жажда, и я передъ самымъ началомъ обѣда совсѣмъ безсознательно налилъ себѣ цѣлый стаканъ хереса и выпилъ его залпомъ, и къ величайшему удивленію для всѣхъ видѣвшихъ я, почти никогда до того времени не пившій вина, нисколько не опьянѣлъ, такъ, какъ-бы выпилъ стаканъ воды. Было ли это слѣдствіемъ большой усталости или большой подавленности горемъ?

Когда изъ кладбищенской гостиницы мы воротились къ себѣ домой, какая чувствовалась въ домѣ пустота, мертвая тишина и безъисходное горе! Мамап первая пришла въ себя: она была все время вполнѣ *à la hauteur de sa position*, какъ о ней отзывались посѣтительницы изъ числа привыкшихъ говорить и думать болѣе по-французски, чѣмъ по-русски. Съ нею, правда, дѣлалось не разъ дурно во время панихидъ и

отпѣванія, но ни разу не вырвалось у нея ни рыданія, ни вопля: она была вполне прилична и сдержана и къ тому же поощряла и убѣжденіями, и примѣромъ своихъ дочерей. А теперь, собравъ всѣхъ насъ кругомъ себя, она обратила наше вниманіе на тѣ перемѣны, какія должна повлечь за собою смерть отца, который былъ истиннымъ столпомъ всей семьи и которымъ все держалось и существовало. Прежде всего необходимо припасти средства къ жизни. Похороны поглотили почти весь наличный запасъ денегъ, слишкомъ 700 р. асс. (200 р. сер.). Прежде всего необходимо продать лошадей (мы не въ состояніи болѣе ихъ держать), экипажъ, сбрую, запасы овса, корову, лишнюю мебель, и употребить всѣ старанія, чтобы найти покупателя на домъ, людей отпустить на волю и прежде всего Егора съ женою и дѣтьми. На брата Василя были возложены хлопоты по снятію печатей, по предоставленію всего имущества въ наше распоряженіе и по признанію насъ законными наследниками дома и всего имущества: отецъ умеръ, не оставивъ завѣщанія, и хлопоты этимъ значительно усложнялись, и я, и братъ Дмитрій были еще несовершеннолѣтними, и дворянская опека, по нашему прошенію, назначила нашею попечительницею нашу маман. Распродажа движимаго имущества шла довольно успѣшно, такъ что съ процентами, которые получались отъ разныхъ должниковъ, существовать было можно. Но на бѣду большіе расходы повлекло за собою поступленіе обоихъ моихъ братьевъ, сначала Василя, а потомъ, по примѣру его и Дмитрія, въ военную службу, въ уланскій принца Фридриха Виртембергскаго полкъ, 7-й легкой кавалерійской дивизіи, принадлежащей къ гренадерскому корпусу,—полкъ, расположенный въ то время въ Гавриловскомъ посадѣ, Тверской губерніи. Я всячески старался отклонить Митю отъ этого рѣшенія, какъ прямо противнаго волѣ или вѣрнѣе убѣжденіямъ покойнаго отца, какъ несогласнаго ни съ общими семейными, ни съ личными его интересами, какъ отъ рискованнаго шага, въ которомъ онъ всю жизнь будетъ раскаиваться, и просилъ даже маманъ прямо употребить власть матери и попечительницы и написать инспектору студентовъ Платону Степановичу Нахимову, чтобы Митѣ не выдавали его бумагъ; но маман на это не рѣшилась; силы ея были совсѣмъ надломлены разразившимся нашею семьей ударомъ; она съ самаго того дня начала страдать жестокими потерями крови, и вскорѣ обнаружались признаки водяной, отеки ногъ и раны на ногахъ. Наденька съ свойственнымъ ей самопожертвованіемъ совсѣмъ посвятила себя уходу за больною маман, стала неотлучно ея *garde malade*,

сама омывала ея раны на ногахъ, сама ихъ перевязывала и бинтовала и была по истинѣ ея ангеломъ-хранителемъ, впрочемъ не переставая и мнѣ удѣлять не малую долю отъ неистощимыхъ сокровищъ своего любящаго сердца, ибо и я въ значительной мѣрѣ былъ сраженъ смертью отца. Нервы мои и безъ того были сильно возбуждены, ибо послѣ экзаменовъ, перейдя на 3-й курсъ, я тотчасъ же принялся за Гуттена и усиленно работалъ все лѣто; внезапная смерть отца такъ поразила меня, что я въ ту же ночь долго не могъ заснуть, а когда заснулъ, со мною впервые въ жизни былъ кошмаръ (incube на языкѣ медиковъ), когда послѣ страшнаго сна уже приходишь въ сознаніе, но никакъ не можешь пошевелить ни однимъ членомъ и проснуться. Этотъ припадокъ послѣ внезапной смерти отца, такъ напугалъ меня, что и я сталъ бояться внезапной смерти и готовиться къ ней. Припадки эти все чаще и чаще повторялись, сердце все сильнѣе и сильнѣе начинало биться и притомъ съ перебоями и замираніями, и добрѣйшій Иванъ Тимоѣевичъ Глѣбовъ, ставшій, по смерти отца, нашимъ домашнимъ и при томъ безвозмезднымъ врачомъ, просто не зналъ, что ему со мною дѣлать: ставилъ мнѣ пиявки и кровяныя банки къ сердцу, не принося мнѣ этимъ никакого облегченія, а скорѣе напротивъ, и наконецъ обратился за совѣтомъ къ профессору терапевтической клиники, одной изъ медицинскихъ знаменитостей Москвы, Іосифу Васильевичу Варвинскому: онъ подробно изслѣдовалъ меня и нашелъ порокъ сердца (hypertrophiam cordis). То же впоследствии, чрезъ 20 слишкомъ лѣтъ, въ мартѣ 1869 г. нашелъ у меня С. П. Боткинъ, и онъ же, встрѣтившись со мною въ іюлѣ того же года въ Швальбахѣ, послѣ подробнаго изслѣдованія, забывъ, конечно, прежнее свое заключеніе, нашелъ мое сердце здоровымъ и исправнымъ, какъ только можно желать: такъ не легко поддаются болѣзни сердца и различные съ нимъ припадки точному и вѣрному распознаванію. Болѣзненное мое состояніе все болѣе и болѣе разрасталось и достигло своей вершины въ ночь на 4 декабря 1847 г., когда я считалъ себя уже совсѣмъ умирающимъ, а 6 декабря меня надому причастили святыхъ тайнъ, и И. Т. Глѣбовъ вмѣстѣ съ Варвинскимъ порѣшили, что я совсѣмъ не долженъ заниматься и не долженъ ходить на лекціи въ университетъ, и Глѣбовъ тутъ же составилъ свидѣтельство о моей болѣзни и самъ отвезъ его къ инспектору студентовъ.

А. Георгіевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).